

Это был еще один канун Лунного Нового года. Время семьи.

Когда Вэй Яо всхлипнул, толкая дверь дома Чжу Жаня, он увидел, как Чжу Жань сидит на корточках и томно дразнит своего сына кошачьей палочкой.

— Цзайцзай, Цзайцзай, если ты признаешь, что я твой отец, кивни.

А затем он потряс маленькой игрушкой в руке.

Его Цзайцзай растянулся на полу, бросая на него ленивый взгляд, но не двигался.

Вэй Яо не издал ни звука, просто облокотившись на стену, скрестив руки на груди, наблюдая за происходящим.

Но Чжу Жань не был обескуражен и продолжил:

— Тогда ладно, если ты признаешь, что Чжун Юань твой отец, кивни.

На этот раз Цзайцзай решил услужить, вскочив и взяв в пасть кошачью палочку у Чжу Жаня. Маленький бандит оттащил игрушку, покачивая головой вверх и вниз вместе с ней, как будто кивая.

— Что за хрень! — Чжу Жань не смог сдержать ругательства. — Ты маленький неблагодарный кот. Ты забыл, кто обычно хорошо с тобой обращается, а?

Это длинное «а-а-а» закончилось прицельным ударом Вэй Яо.

— Очевидно, что твое положение в этом доме невысокое.

Чжу Жань повернул голову, собираясь снова выругаться, но тот прервал его:

— Сегодня Новый год, не матерись.

Итак, Чжу Жань заткнулся.

Он был не стар, но он верил во все эти суеверия.

Одержав верх, Вэй Яо со смехом пробрался в квартиру, крича, что погода сегодня очень холодная.

По правде говоря, когда они узнали, что Чжу Жань и Чжун Юань начали встречаться в старшей школе, у него и Шэнь Чэньсюя чуть не выскочили глазные яблоки. В конце концов, вся школа тогда знала, что Чжу Жань и Чжун Юань были как масло и вода, хотя они не знали причины этого...

— Твою мать. — Вэй Яо хорошо помнил, как он громко выругался, а затем произнес что-то, что Шэнь Чэньсюй с тех пор считал словами мудрости. — Они же словно масло и вода, которые смешались.

Но, говоря о том времени, это тоже было очень неловко. По сравнению с ними, Чу Нянь была самой спокойной. Она только сказала:

— Разве это не хорошо?

После этого он не стал продолжать учебу, а устроился на работу в бар. Чу Нянь и Шэнь Чэньсюй уехали за границу. На третьем курсе университета Чжу Жань признался отцу и привел Чжун Юаня домой. Вэй Яо думал, что это тоже будет неплохое шоу, но он не мог стать свидетелем этого. Однако, когда он снова увидел своего друга, он выразил свое недоумение по поводу того, что Чжу Жань не потерял руку и не сломал ногу.

Они выросли вместе и привыкли стебать друг друга. Так что Чжу Жань тоже не разозлился, услышав это. В целом, учитывая внешность Чжун Юаня, разве существовал родитель, которому он не понравится?

Но когда они снова встретились в тот вечер, Чжу Жань напился до потери памяти, прижав к себе бутылку вина. От опьянения у него слезились глаза, а губы бессвязно выкрикивали имя Чжун Юаня, повторяя, что все в порядке.

Что именно произошло с отцом Чжу Жаня в тот день никто бы больше не узнал, если бы Чжу Жань и Чжун Юань не рассказали.

К счастью, в последние годы его отношения с отцом устаканились. Они могли бы сесть вместе и обсудить новости на канале «Через пролив», ведя себя как обычные отец и сын.

Вэй Яо покурил на балконе. После того, как он закончил, он вымыл руки на кухне, намереваясь помочь с приготовлением пищи. Отец Чжу Жаня нарезал мясо овощным ножом, кусочки фарша попадали на его маслянистые пальцы.

— Не нужно, не нужно. Достаточно, если Чжун Юань поможет. Ты можешь отдохнуть.

Вышеупомянутый Чжун Юань стоял в стороне, строго и серьезно глядя на кастрюлю с кипящей зеленью, нахмурив брови. Горячий пар прогрел всю комнату. Тонкой керамической ложкой он насыпал немного соли. Жизнь в доме кипела*. Яо наконец-то смог связать слова, связанные с обычными жизненными потребностями, с Чжун Юанем.

*煎炒烹炸 – букв. «кастрюли, тарелки, половники, тазики дрова, рис, масло, соль». Китайская идиома, которая описывает бытовую жизнь и повседневные заботы.

В те прошлые годы хрупкий, неприступный президент студсовета, этот великолепный фальшивый образ, который ненавидели все его друзья, холодный парадокс, который создавал красоту в их обществе... в конце концов тоже добровольно попал в этот мир смертных. Научился любить, и учился жить.

В дверь постучали. Держа в руке кота, Чжу Жань подошел, чтобы открыть дверь, и его тут же обняли. Испугавшись, Цзайцзай мяукнул и выскочил из его рук.

— Чжу Жань-гэ!

Кто-то обнял его и поздоровался. Глядя сквозь плечи девушки, Чжу Жань наконец увидел своего непослушного друга, которого он не видел целую вечность.

Чу Нянь и Шэнь Чэньсюй прибыли.

У Чжу Жаня было не так много близких друзей. Он отдалился от некоторых, и те, с кем он часто прогуливал занятия, чтобы покурить, драться или участвовать в гонках, теперь были здесь. Можно считать это воссоединением семьи. Никто не мог предположить, что эта компания друзей, которую родители и учителя называли самой ненадежной, будет

сопровождать его все юные годы. В подростковом возрасте у него были Вэй Яо, Шэнь Чэньсюй, а также Чжун Юань. И это можно считать полноценной жизнью.

Они были его домом.

— Я не думал, что проведу свой Новый год с вами двумя. — на обеденном столе Чжу Жань закатил глаза. — Мне это уже надоело.

Шэнь Чэньсюй пнул его под столом и рассмеялся:

— Ты помнишь первый день китайского Нового года в нашем втором году старшей школы? Мы пробрались на гору и не смогли найти дорогу вниз и чуть не замерзли насмерть...

На тему их прошлого все поневоле начинали болтать.

— Тогда я реально думал, что мы с Чжу Жанем будем слоняться по улицам как отбросы общества. Тогда я не мог представить, что сейчас... сейчас... Мы все жили бы достойной жизнью. Как это чертовски здорово. — сказал Вэй Яо.

— Твои стандарты жизни были слишком низкими, гэгэ. — хихикнула Чу Нянь.

Отец Чжу Жаня слушал их и усмехнулся. Он почти не разговаривал и просто пил.

Вэй Яо опрокинул еще две чашки и пьяно спросил:

— Дядя, почему вы молчите?

Мужчина покачал головой, все еще улыбаясь:

— Что может сказать такой старик, как я? Просто слушая, как вы, ребята, говорите, я уже счастлив.

В середине трапезы в дверь снова позвонили.

Чжу Жань откинулся на спинку стула, взглянул на дверь, а затем огляделся.

— Кто это? Кого-то не хватает?

Несколько человек за столом пожали плечами. Поскольку Чжун Юань сидел ближе к двери, он встал.

— Я открою дверь.

Все взгляды следовали за ним... пока дверь не открылась. Чу Нянь выпучила глаза. Ее вопрос «Кто это?» был немедленно заглушен рукой Шэнь Чэньсюя.

Чжун Юань стоял к ним спиной, поэтому никто не мог видеть его лица. Но все за столом погрузились в молчание. Чжу Жань усадил Цзайцзая на свои бедра, и нахмурился. Но после некоторого раздумья он повернулся к столу:

— Вы, ребята, продолжайте есть.

Отношения Чжун Юаня и его матери были такими же плохими, как и раньше. Но Чжун Юань по-прежнему ежемесячно переводил ей немного денег. Чжу Жань знал это. Поэтому он не

сказал ни слова.

Но, тем не менее, это был первый раз, когда она пришла сама. Как необычно.

Тапочки Чжу Жаня волочились по полу, когда он подошел к двери. Скрестив руки, он облокотился на обувной шкаф у двери. Позади него стоял громкий шум Вэй Яо и Шэнь Чэньсюя, а также звук бокалов с вином, ударяющихся друг о друга, из-за чего этот разговор казался еще тише.

— Я пришла посмотреть, как у вас дела.

Чжун Юань выдохнул «ох» и взял несколько коробок с подарками из ее рук.

Шум позади него и Чжун Юаня делало это все иллюзорным. Чжу Жань выпрямился и тихо подошел к Чжун Юаню. Он поприветствовал ее словами «Здравствуйте, тетя», когда его пальцы прижались к тыльной стороне ладони Чжун Юаня.

Она поприветствовал в ответ, крепче сжимая дверь.

— Тогда я уйду первой.

На мгновение воцарилось молчание, прежде чем Чжун Юань тихо спросил:

— Ты не собираешься остаться?

— Не нужно. — покачала головой она.

Дверь закрылась, раздав легкий хлопок. Большой палец Чжу Жаня изогнулся, чтобы потереться о его ладонь. Чжун Юань держал в руке несколько пакетов, а другой рукой обхватывал талию Чжу Жаня.

— Уже наелся? — он посмотрел на него с улыбкой.

— Нет. — Чжу Жань повернулся, чтобы прошептать. — Разве мы не должны подождать до поздней ночи?

Рука на его талии на мгновение напряглась. Чжу Жань удовлетворенно поднял бровь. Чжун Юань посмотрел на него и усмехнулся.

Когда люди разошлись с громкой болтовней, была уже поздняя ночь.

Его отец не жил вместе с ними и уже ушел домой. Цзайцзай лежал на диване, облизывая лапы, наблюдая, как Чжу Жань убирается.

Чжу Жань выключил пару ламп в гостиной, оставив включенными только несколько ламп в обеденной зоне. Увидев на столе скудные остатки еды, он выругался с головной болью:

— Блядь. Надо было заставить Шэнь Чэньсюя и Вэй Яо остаться, чтобы убрать со стола и вымыть посуду...

Прежде чем он успел закончить жаловаться, его заключили в объятия сзади.

— Чжун Юань?

Его руки все еще были грязными и он не мог коснуться его лица, поэтому он только наклонил голову набок, чтобы ластится головой об его плечи.

— Что случилось? Хм?

Человек позади него не ответил, и поэтому Чжу Жань тактично заткнулся. Хотя объятия были теплыми и комфортными, он не мог продолжать то, что делал. Чжу Жань решил просто отбросить салфетку для чистки стола в сторону и позволить Чжун Юаню обнять его. Кто-то запускал фейерверки, вероятно, в отдаленном районе за городом. Звуки за окном доносились короткими грохотами. В тусклом желтом свете они обнимались.

— Почему она пришла только сейчас? — Чжун Юань наконец открыл рот.

В этом заявлении не было найдено ни единого намека на вопрос. В нем было «почему», но все же казалось, что это не вопрос. Но Чжу Жань понял.

Фейерверк прекратился. В этом молчании Чжу Жань ответил:

— Я тоже не знаю. Я тоже не знаю, Чжун Юань.

Когда я готовился к взрослению, когда я готовился протянуть руку, чтобы попытаться прикоснуться к этому миру, у меня было так много сомнений, которые я хотел развеять. Я надеялся, что ты скажешь мне что-то, что я хотел услышать, и я отблагодарю тебя красивой песней. Но ты молчал, не говоря ни слова. Итак, когда я искал путь назад в мир смертных, я уже забыл, как пишется слово «примирение».

В обеденной зоне было тепло. Чжу Жань глубоко вздохнул.

— Если я испачкаю твою одежду, мне все равно. — сказал он, поворачиваясь, чтобы обнять своего любимого обеими руками.

Даже если я не буду безрассудно бросаться во все тяжкие, пока ты держишь меня за руку.

Даже если я смогу повзрослеть, пока ты даришь мне еще один поцелуй.

Даже если. Даже если.

Несмотря на то, что в этом мире было так много ненависти, так много такого, что не может быть так просто решено одним словом «прощение». Несмотря на то, что в мире было так много любви, так много, что миру нельзя так просто вынести смертный приговор. Несмотря на то, что было много многочисленных сражений и битв, которые не могут быть исправлены одним выводом или ответом.

Даже если мы все это знаем, мы все равно не можем от этого отказаться.

Наша любовь. Наша ненависть. Даже в разное время мы сталкивались с одним и тем же досадным несовершенством. Мы будем жить вместе неряшливо и тревожно. Мы будем решительно и упорно умирать вместе.

— Они могут быть недостаточно решительными. — Чжу Жань начал шептать редкие слова, которые он хотел услышать. — Но я всегда буду любить тебя.

*

Новогодний подарок, который подарил ему Чжун Юань, был неожиданно опубликован в аккаунте игрового блогера Чжу Жаня на Weibo.

Чжун Юань дал ему толстый красный пакет.

— С Новым годом.

Чжу Жань надавил на красный пакет, сидел на кровати, наполовину смеясь и плача.

— Вот какая у вас, ребята из науки, инженеры, романтика?

Чжун Юань на какое-то время погрузился в молчаливое раздумье.

— Если тебе нравится вот так, можешь сказать так.

— ...

Чжу Жань потерял дар речи от этих слов, прежде чем услышал, как Чжун Юань тихо спросил:

— Ты можешь взять отпуск в апреле?

Допрашиваемый собирался открыть красный конверт, чтобы узнать, сколько денег было внутри. Услышав этот вопрос, он задумался и небрежно подтвердил:

— Возможно.

— Тогда давай поедem в Японию, ладно?

— Конечно. — продолжал беззаботно отвечать допрашиваемый.

Но как только он произнес это, Чжу Жань чуть не задохнулся. Он безучастно посмотрел на него. Его маленький парень, который смотрел на него, сидел перед компьютером.

— В прошлом мы всегда говорили, что будем делать то и это в будущем. Но наше «будущее» постоянно отодвигается вперед. Я не думаю, что хорошо продолжать откладывать это,... Но я не знаю, помнишь ли ты, что говорил в старшей школе...

Он говорил с паузами, с осторожным, но мягким тоном. Как будто то, что было спрятано в этом месте, было его любимым сокровищем.

Цветение сакуры, хм...

Чжу Жань помолчал, возвращаясь к реальности и кивнув.

— Я помню.

— Это хорошо. — Чжун Юань расслабился. Вскочив с компьютерного кресла, он опустился на колени, обхватив руками его талию, произнес низким и приглушенным голосом. — Я накопил достаточно денег. Теперь дело только за тобой.

Чжу Жань расхохотался, размахивая конвертом в руке.

— Столько?

Как бы он это сказал? Ребята из науки умели быть романтичными. Чжу Жань понимал, что его

любят, но он не ожидал, что им будут дорожить настолько. Настолько сильно, что Чжун Юань переживал, помнит ли он до сих пор. Он так дорожил им, что втайне работал над собой, чтобы осуществить желание, которое он однажды озвучил.

Таким образом, он не только отдал ему половину его будущего, но и выжал из него теплое, пламенное, живое убеждение и отдал ему. С этого момента личность, Чжун Юань, могла быть полноценной только так.

Чжун Юань был луной дикой природы, ветерок разбрасывал серебряные лучи света. В то время как Чжу Жань был путешественником с рюкзаком, подбирая свои разбитые одинокие осколки лунного света.

Они полагались друг на друга, чтобы расти так, как они хотели.

Записки из дневника, которую Чжу Жань написал без ведома Сяо Чжуна:

Мне очень нравится один человек. Я ввязался в борьбу за него и потерял половину своей жизни. Он потащил меня обратно и сказал, что готов отдать мне половину своего будущего. Затем он сказал мне, что под этим он подразумевает, что готов усердно работать со мной, чтобы продолжать жить дальше. Это обещание может показаться смешным в глазах других, но для двух отчаявшихся идиотов того времени это было то, что могло заставить меня плакать всю мою жизнь. Хотя, теперь, когда я думаю об этом, то, как я реагировал на эти вещи в прошлом, было настолько ребяческим, что можно умереть... Нет, я имею в виду, это было настолько по-детски, что смогло «оживить» меня (Чжун Юань, этот петух, не любит, когда я часто упоминаю слово «умереть». Как видите, быть суеверным так вредно. Даже академический гений не смог бы избежать его последствий). Но, возможно, это и есть та молодежь, о которой все говорят.

Когда я думаю о том, каким был этот подросток из моей юности, я просто чувствую себя счастливым.

Конец

<http://bllate.org/book/14300/1266016>